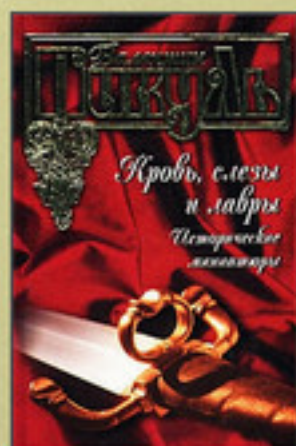

Валентин Пикуль

Шедевры села Рузаевки

Часть сборника
Кровь, слезы и лавры.
Исторические миниатюры

Кровь, слезы и лавры

Валентин Пикуль

Шедевры села Рузаевки

«ВЕЧЕ»

Пикуль В. С.

Шедевры села Рузаевки / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ», — (Кровь, слезы и лавры)

«За месяц до первой мировой войны в Лейпциге открылась всемирная выставка книгопечатного искусства... Сначала я попал в мрачную пещеру, где люди каменного века при свете факелов вырубали на скале сцену охоты на бизона – вернее, рассказ об охоте на него, – и мне хотелось снять шляпу: передо мною первые писатели нашей планеты...»

© Пикуль В. С.
© ВЕЧЕ

Валентин Пикуль

Шедевры села Рузаевки

За месяц до первой мировой войны в Лейпциге открылась всемирная выставка книгопечатного искусства... Сначала я попал в мрачную пещеру, где люди каменного века при свете факелов вырубали на скале сцену охоты на бизона – вернее, *рассказ* об охоте на него, – и мне хотелось снять шляпу: передо мною *первые* писатели нашей планеты. Весело кружилась бумажная мельница средневековья, все детали в ней (и даже гвозди) собраны из дерева; примитивная машина безжалостно рвала и перемешивала кучу нищенского тряпья, а по ее лотку стекала плотная высокосортная бумага – гораздо лучше той, на которой я сейчас пишу вам... Читатель, надеюсь, уже догадался, что я гуляю по Лейпцигской выставке 1914 года с путеводителем в руках – на то они и существуют, чтобы выставки не умирали в памяти человечества. Ага, вот и русский отдел! Я нашел здесь именно то, что искал. В числе ценнейших уникамов упомянуты и издания Рузаевской типографии.

Теперь закроем каталог и оставим Лейпциг!

Чтобы ощутить привкус эпохи, сразу же пересядем в карету князя Ивана Михайловича Долгорукого, поэта и мемуариста, известного в свете под прозвищем Балкон, который при Екатерине II был пензенским губернатором... Колеса кареты ерзали в колеях проселочных дорог, жена губернатора изнывала от непомерной духоты.

– Ох, как пить хочется... мне бы бокал лимонатису!

Иван Михайлович, завидев мужиков, открывал окошко:

– Эй, люди, чьи это владения?

– Барина нашего – Николая Еремеевича Струйского...

Всюду пасущиеся стада, церкви на косогорах, возделанные пашни, босоногие дети на околицах... И наступил полдень.

– Эй, скажите, чья это деревня? – спрашивал Долгорукий.

– Барина нашего – господина Струйского...

Жара пошла на убыль, жена вздремнула на пышных диванах кареты, а губернатор все окликал встречных:

– Эй, чей там лес темнеет вдаль?

– Барина нашего – Николая Еремеевича Струйского...

Будто в сказке, весь день проезжали они через владения рузаевского «курфюршества», и лишь под вечер усталые кони всхрапнули у переезда через реку; на другом берегу, за укрытием крепостного вала, высились белые дворцы и службы, золотом горели купола храмов, какое-то знамя реяло на башне господского дома... Это была Рузаевка – имение Струйского, находившееся в Инсарском уезде Пензенской губернии. И сейчас мало кто знает, что здесь во второй половине XVIII столетия находилась лучшая в мире типография, – потому-то рузаевские издания и попали на международную выставку печатного дела в Лейпциге. Здесь, в Рузаевке, проживал бездарный бард России, умудрявшийся отбивать поклоны и Вольтеру и Екатерине II, за что профессор Ключевский назвал его «отвратительным цветом русско-французской цивилизации XVIII века».

Почти все историки, словно сговорившись, утверждают, что сведений о Струйском не сохранилось. Но если несколько лет порыскать по старинным журналам и книгам, то найдешь массу разрозненных заметок, статей, эпиграмм, портретов, оговорок, воспоминаний и поправок, – из этой архивной пыли нечаянно получается *сплав*, из которого уже можно формировать образ человека, оставившего немалый след в истории книжного дела на Руси...

Емельян Пугачев уничтожил его сородичей, что пошло Струйскому на пользу, ибо он стал богачом, объединившим в своих руках все владения рода. Из Преображенского полка он вышел в отставку прапорщиком и навсегда осел в рузаевской вотчине. Струйский был изрядно начитан, сведущ в науках; проект рузаевского дворца он заказал Растрелли; среди его друзей были стихотворцы Сумароков и Державин; живописец Федор Рокотов писал портреты членов его семьи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.